

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

К.Г. Исупов

УДК 413.13

ИМЯ

Реферат. Отмечены онтологические аспекты философии имени. Особое внимание уделено эволюции русской мысли об имени в философии, теологии, литературе.

Ключевые слова: знак, имя, универсалия.

И. – вербализуемый социальный знак опознания; универсалия культуры. Онтофилогенез имен маркирован древнейшими индоевроп. этимонами – сигнификатами с предметно-орудийными значениями и первыми словами детской речи с семантикой вещной прагматики с жестово-интонационными императивами (“дай/на!”, “уйди!”). Для архаического сознания имена собственные (богов и людей) представляют перечень атрибутов, а предметно-именной словарь являет список функций вещей-организмов (от стихий, растений и минералов до животных и артефактов). Иерархии мер, порядков и количеств фиксируются в числовых именах. В поле пересечения свойств и функций закрепляются именны системы: ритуалов, запретов, терминов родства и возраста, чинов власти и авторитета, геометрии Космоса и ландшафта, “своего” и “чужого”, кличек животных, знаков хтонических персонажей, семиотики обитания и климата, хронотопов повседневного и “иношнего”, состояний мира и человека, форм хранения и передачи информации, обозначений событийных границ жизни (соитие, рождение, умирание, вхождение/изгнание из племени, “переходы”, половозрастные инициации), сигнальной рецепции жестов, символов татуировки, символической косметики, а позже – кланового и национально-племенного костюма, жестикуляции, первичных онтологических и “мировоззренческих” оппозиций, опыта наблюдений над органическими метаморфозами видимого и невидимого. В космогоническом мифе Древней Индии творение мира описано как номинативное усилие Демиурга, который вызывает бытие из небытия путем произнесения имен: «Он сказал “Бхух” – и возникло это воздушное пространство. Он сказал “Бхувах” – и возникло это воздушное пространство. Он сказал “Свах” – возникло то небо» (Шатапатха-брахмана. XL. X. 6, 3; ср.: “И сказал Бог: да будет свет. И стал свет” <Быт. 1, 3>). Онтологическое речетворчество героя др.-инд. пантеона Праджапати выглядит как “филологическая” процедура: акт именования есть выкликание предметной плоти, призыв к существованию, что в магическом смысле идентично достижению обратного по результату действия – укрощению рвущейся в мировой Хаос стихии путем именного заклятия ее. Архаические механизмы табуирования имен, охрана сакральных и приравненных к ним изображений (от тотема до газетного портрета) формируются на основе синкретизма имени и вещи (фактического / возможного явления) и телесной транскрипции знака; “эпителий” имени срощен с денотатом (ср. у А. Тарковско-го: “<...> Македонца или Пушкина / Попробуйте назвать не Александром <...> Чужая кожа

пристает к носам...»). Грамматика сочетания имен онтологизуется и определяет принципы вещной комбинаторики, преформации и метаморфозы утвари бытия, так же как “внутренняя форма” слова субстантивируется и знаменует не просто этимон (“значение”), но смысл, смысловое тело предмета (явления), его натурализованный “эйдос”, для которого именуемое и именуемое неслиянны и нераздельны. На этом основана именная магия и эффекты заклятия и проклятия: вербальная операция с условно-релятивными именами есть “на самом деле” манипуляция, часто небезопасная, с безусловно-каузальными реальностями. Синкретизм слова и вещи в единстве имени делает его минимально компактной формой мифа; имя (бога, стихии, местности) и есть “мини-миф”, имплицативная «Божественная Точка» Николая Кузанского. В состав иудео-христианской теологии “Страх Божий” входят эмоция ужаса перед репрессией за произнесение тетраграммы Яхве в неканонической ситуации. Культ имен выразился в сословно-властной спецификации чинов, бюрократических регистрах званий и табелей о рангах, в охранительной тенденции наречения детей “царственными” именами или аббревиатурами “во имя” идеологически сверхзначимых фантомов (“Робеспьер Иванович”, “Атом Сергеевич”, “Вил” <Владимир Ильич Ленин>), в моде на имя собственное. Именные цепочки терминов родства и династические списки систематизируют семейно-клановую и национально-государственную память, так что смысл поминальной молитвы в обряде почитания предков или перечисления титулов усопших владык и героев держится на мнемонической функции; рудиментарно она сохраняется и в нынешних ритуалах презентации – представления и знакомства: лицо, озвучивающее свое имя (см. длинные цепочки испанских и арабских имен с перечнем предков; наше “ФИО”), свершает в этот момент и обряд поминовения отцов. Н. Федоров своим проектом Общего дела хотел всю внутреннюю речь нососферы превратить в сплошную поминальную молитву и “жертву уст”. Европейская философия имени берет начало в логографии и мифологических Органонах древности («Мифологическая библиотека» Аполлодора Афинского < 2 в. до в. э.>). Поэтическая этимология Платона и эллинистическая герменевтика имен сошлились в корпусе текстов Ареопагитик, где архаичный запрет на имя трансформировался в приемы апофатического богословия, иерархии чинов ангельских и в технологию численно выраженного достоинства (число как имя степени ценности – сакрально-мистической и эстетической). Романтическим мемуаром об антично-христианской именной экзегезе и платонизован-

Имя

ной этимологии стали книги Флоренского («Столл...», 1914; «Имена»), А. Лосева («Философия имени», 1927) и С. Булгакова («Философия имени», опубл. 1951). Решающим для эволюции русской мысли об имени эпизодом стала полемика имяславцев и имяборцев в 10-х гг. XX в. При всех нюансах, разнящих концепции этих авторов, имяславческий тезис был общим: Бог есть и имя, но имя не есть Бог. Небесполезно в списке стимулов движения имяславцев поискать причины не только собственно религиозного, но и секулярного характера; среди таковых могут быть названы тотальная девальвация традиционных чина и титула, усиление работы механизмов именной подмены (когда имя не только перестает быть социальным знаком, но и начинает работать на порождение идеологического фантома, вроде “диктатуры пролетариата”), повальная криминализация сфер социального общения, в условиях которой личное имя, животная или партийная кличка, писательский псевдоним и улично-лагерное прозвище входят в национальный узус номинации с утратой своей специфики. Классическая литература предупредила об этом прозой Гоголя: в гротескном космосе «Мертвых душ» имена редуцированы в клички, что выводит героев за пределы социально активного мира живых в некрогическое неистовство Загробья; здесь кличка маркирует переход от мира людей к миру животных, в зооморфных монстров. Утрата имени приравнена к потере человечности, социальной и физической смерти (герой по кличке “Актер” в намерении сообщить хозяину ночлежки о мертвом теле в подвале бормочет: “Пойду, скажу – умерла... потеряла имя”). П. Флоренский создал книгу «Имена» в условиях роста социальной анонимности и именной амнезии русского духа. Мыслитель создал культурную археологию имен и своего рода коллекцию исторических “гороскопов” наречений, трактуя имена как свернутые фабулы личной судьбы; он показал, как семантика имени управляет поведением его носителя (можно любить или не любить свое имя, но трудно никак к нему не относиться); на впечатляющем по объему материале раскрыта в его трактате роль магии имени для архаического и современного сознания. Параллельно накапливался опыт исторической семантики и поэтики имени; так, Ю. Тынянов был убежден, что в литературе нет неговорящих имен. Наша социальная реальность настойчиво актуализует гуманитарный статус личностного знака: современник пребывает на границе между опознанной в числе и имени Вселенной и безымянной асоциальностью “малины”, богемы, зоны и социального дна; предельной антитезой имени явился в нашем столетии лагерный номер, – за этой границей начинается пустыня вконец обезчеловеченного анонимного антимира, о возможности которого предупреждали антиутопии XX века.

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ ИМЕНИ:

- Антоний (Булатович), иеросхимонах. *Апология веры во Имя Божие и во имя Иисус.* М., 1913;
- *Моя борьба с имяборцами на Святой горе.* Пг., 1917;
- *История афонской смуты.* Пг., 1917 (без указания автора);
- Бонецкая Н.К. *Магичность слова и “Имяславие как философская предпосылка”* П.А. Флоренского / *Studia Slavica Hung. Budar.*, 1988. № 34 (1-4), С. 9-80;
- *О филологической школе П.А. Флоренского («Философия имени» А.Ф. Лосева и «Философия имени» С.Н. Булгакова* // *Studia Slavica Hung. Budar.*, 1991-1992. № 37., С. 113-189;
- Булгаков С.Н. *Философия имени.* Париж, 1953;
- Гоготишвили Л.А. *Лосев, исихазм и платонизм* // Лосев А.Ф. *Имя.* СПб., 1997;
- *Лингвистический аспект трех версий православия* // Там же. С. 580-614;
- Груздев Б.И. *Имена (в Библии)* // *Христианство. Энциклопедический Словарь.* М, 1993. Т. 1. А-К. С. 603-604;
- Климент, святогорский монах. *Имебожнический бунт.* Пг., 1916;
- *В поисках правды.* Пг., 1916;
- Иларион, схимонах. *На горах Кавказа.* Киев, 1912;
- *Имяславие. Богословские материалы к догматическому спору об Имени Божиим по документам имяславцев.* М., 1914;
- *Материалы к спору о почитании Имени Божия.* М., 1913;
- Мельников Ф.Е. *В тенетах ересей и проклятий.* М., 1913;
- Пахомий-афонец. *История афонской смуты.* СПб., 1914;
- Позов А. *Логос-медитация древней Церкви. Умное делание.* Мюнхен, 1964;
- Семаева И.И. *Традиции исихазма в русской религиозной философии первой половины XX века.* М., 1993;
- Священник Павел Флоренский. *Малое собрание сочинений.* Вып. 1. Имена. – М.: Купина, 1993. – 319 с.
- Троицкий В.П. *Теория множеств как “научно-аналитический слой” имяславия* // Лосев А.Ф. *Имя.* СПб., 1997. С. 537-550;
- Троицкий С.В. *Учение афонских имебожников и его разбор.* СПб., 1914;
- *К истории борьбы с афонской смутой.* Пг., 1916;
- *Имебожники.* Сб. Сергиева Лавра, 1914;
- *Святое православие и именовбожническая ересь.* Вып. 1-3. Харьков, 1916;
- *Имяславие по документам имяславцев.* Сб. М., 1916.